[21] Там же. С. 257.
[22] *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Правитель дел. К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рылеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 6.
[23] *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 13.
[24] Там же. С. 273.
[25] Там же. С. 16.
[26] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. С. 8.
[27] Там же. С. 264.
[28] *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 257.
[29] 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб.: Академический проект, 1999. С. 443.
[30] Там же. С. 16.
[31] Там же. С. 18.
[32] Там же. С. 258.
[33] *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 221.
[34] *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Т. II: Сочинения. Иркутск: Восточно-сибирское книжное изд-во, 1982. С. 184.
[35] Там же. С. 258.
[36] Там же.
[37] Восстание декабристов. Материалы. Т. I. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 6.
[38] *Лунин М. С.* Письма из Сибири. М.: Наука, 1987. С. 6.
[39] Там же. С. 373.
[40] Там же. С. 56.
[41] *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. С. 190.
[42] *Стариков Н. В.* Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2015. С. 143.
[43] Там же. С. 145.

Петербургский исторический журнал № 2 (2019)

УДК 94(47)«1825.12.14»
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00036

Н. Д. Потапова

Декабристы и республиканская традиция

Противопоставление республики и монархии как двух *альтернативных* форм управления, основанных на исключительно разных принципах, появляется в политической теории сравнительно поздно. Современные исследования по интеллектуальной истории показывают, что эта оппозиция начинает доминировать в источниках лишь после Французской революции и последующих событий. Происходит

постепенное изменение понятия «республиканского», затронувшее не только уровень идеологии, но и широкий спектр практик[1]. Формируется и утверждается представление, что политический порядок в монархии не может быть устроен по классическим республиканским принципам, что во главе республики не может стоять монарх, что для политического режима важно, кто и как оказывается во главе государства, наследует ли глава эту позицию или его выбирают и как именно. С этого времени *участие* в *выборах* правительства и органов управления рассматривается как главный приоритет, основная компонента гражданства, одно из ключевых прав и обязанностей граждан. Иными словами, «республика» понимается не как *принцип* правления, а как его *форма*, противопоставленная монархии и превосходящая ее в моральном плане. Республика больше не предполагает активного деятельного *участия* в *общих делах*, затрагивающих интересы многих людей, не предполагает готовность *жертвовать* ради этого личным временем, средствами, силами, жертвовать *собой* ради *общего*, вносить свой вклад в инфраструктуру *общих вещей* и разработку *общих правил* пользованиями ими[2]. Граждане должны участвовать в выборах, это единственное общее дело, которое ставится во главу угла новым пониманием республики как избирательного правления. В XX в. доминирует представление, что всё прочее, как например забота о гражданах, вверено правительству. А XXI в. ассоциируется с теорией малых дел. В новое время патерналистские модели конкурируют в основном с неолиберальными, ставящими во главу также не принцип общих дел, а принцип индивидуализма, и с анархическими утопиями. Граждане либо рассчитывают на заботу, либо на невмешательство в их частную жизнь[3]. Пространство общего оказывается сужено и ограничено предвыборными дебатами. Выборное правительство республики противопоставлено неизбираемому монархии.

В этой статье мы рассмотрим один из моментов, с которым связаны изменения понимания смысла республиканского. Главными героями в данном случае будут не декабристы, а идеи. Идеи, которые не выделяют декабристов в «особый круг людей», не отличают их от других, а напротив, позволяют лучше понять как людей определенной культуры и эпохи. Нас будет интересовать способ политического воображения, который сделал возможными те формы политического поведения, практики, которые кажутся нам сегодня одновременно и понятными, и полными какого-то странного романтизма. Вот эта странность и требует комментариев, нуждается в изучении. В своей книге Жюли Гране также показала, что контекст европейского республиканизма рубежа XVIII–XIX вв. важен для понимания событий на Сенатской площади[4]. В. Л. Каплун предложил говорить «о политической и моральной культуре российской образованной

публики последней трети XVIII — первой трети XIX вв. как о цельной культуре гражданского республиканизма», объединявшей «многих политических консерваторов, таких как Карамзин, и многих политических радикалов, таких как Радищев или, позднее, представители радикального крыла декабристов, и многих "умеренных либералов" александровской эпохи»; это единство оказалось искусственно прервано николаевской реакцией[5].

Однако большинство исследователей-декабристоведов используют понятие «республика», отождествляя его с революцией. Это представление утвердилось еще на рубеже XIX–XX вв., его использовали несколько поколений советских исследователей от Н. М. Дружинина, Ю. Г. Оксмана, С. Б. Окуня до А. В. Семеновой. Как отмечает В. Л. Каплун, даже для работ Ю. М. Лотмана было характерно противопоставление республики как революционного завоевания и монархии в разных ее формах. Сохраняется это противопоставление и в работах современных декабристоведов[6]. О. В. Эдельман заявляет, что хотя именно следователи отождествляли революцию и республику, «для современного исследователя они предстают частями одной и той же проблемы»[7]. Т. В. Андреева также исходит из противопоставления двух тенденций в декабризме — революционно-республиканской и либерально-монархической[8].

Полемизируя с «нечкинской концепцией революционности движения декабристов», В. С. Парсамов отмечал, что понятия «республика» и «монархия» были очень сложны и запутаны в европейской политической мысли послеНаполеоновской эпохи[9]. В. М. Бокова, например, указывала, что «республиканизм у декабристов весьма часто опирался на идеи, почерпнутые из Священного Писания»[10]. В. С. Парсамов показал основной вектор идейной эволюции декабризма: «Если под воздействием античных авторов воспитывались дух патриотизма и идея самопожертвования во имя Отечества, то знакомство с европейской либеральной мыслью порождало представления о правах человека и самодостаточности человеческой личности. На смену римско-республиканскому самоощущению приходит государственно-правовой понятийный аппарат, почерпнутый из изучения конституционного опыта европейских государств и Соединенных Штатов Америки»[11].

П. В. Ильин понимает республиканизм как «политическое давление на власть», он противопоставляет не монархию и республику, а тиранию и республику и не отождествляет последнюю с революцией. Именно так — как «республиканскую смелость» — воспринял знакомый со многими декабристами А. В. Никитенко поступок Я. И. Ростовцева, хотя позже Герцен и Огарев, а вслед за ними и все декабристоведы видели в акте Ростовцева лишь донос[12]. Анализ позволяет увидеть культурную дистанцию между двумя трактовками. П. В. Ильин рассматривает тираноборческие мотивы созданных Ростовцевым трагедий «Персей» и «Князь Дмитрий Пожарский», идеи «политической деятельности не ради личных интересов, удовлетворения честолюбия и корысти, но ради общего блага», готовность жертвовать собой, отрицание деспотизма

и «рабства», осуждение попрания закона как властителями, так и подданными. Он отмечает, что борьба с тиранией и самовластием «не исключает избрания царя народом в качестве желательного исхода политического кризиса»[13]. Республиканизм не тождественен революции: это «стремление к "законному" пути преобразований». «Сочинения молодого поэта находились в русле гражданственной поэзии рылеевского круга; Ростовцев был в тесном контакте с литераторами, которые группировались вокруг издателей "Полярной звезды", и находился под их влиянием»[14].

Сюзанна Рабоу-Эдлинг также предприняла анализ риторики в текстах декабристов, написанных до начала следствия[15]. Она исследует политические идеи в гражданственной лирике поэтов декабристского круга и отмечает новое понимание роли народа в политике: не государь, а народ является источником суверенитета. Было ли это понимание республики общим в исследуемую эпоху? Ведь, скажем, у Пушкина суверенитет народа по-прежнему совместим с монархией: «Склонитесь первые главой / Под сень надежную Закона, / И станут вечной стражей трона / Народов вольность и покой»[16].

Обращение к истории идей показывает, что до конца XVIII — начала XIX в. было широко распространено *классическое римское* понимание республиканизма, вслед за Цицероном, Титом Ливием и другими каноническими авторами «термин "respublica" прилагали к широкому спектру режимов от монархии и аристократии до парламентских государств и даже иногда олигархии», главное чтобы правитель(ство) правил(о) в интересах всех, а не только части граждан, ради общего блага, блага народа, а не частных интересов или прихотей[17]. Правитель не доминирует, он может подавать пример остальным или содействовать инициативам других ради общего дела[18]. Именно в таком смысле Екатерина II называла себя республиканкой, никто тогда не видел противоречия в том, что можно защищать политическую модель Англии, аристократию, считать себя республиканцем и не стремиться к низвержению престола. Это потребует объяснения и оправдания позже, в XIX в., когда после Французской революции и особенно после наполеоновских войн республиканизм начнет всё чаще ассоциироваться с политическим движением, отрицающим легитимность монархии[19]. Однако еще в начале XIX в. «самодержец, делающийся основателем новой республики», мало кого мог удивить[20]. В этом контексте в речи Пестеля или братьев Муравьевых-Апостолов, одинаково «выхвалявших», по словам В. К. Тизенгаузена, политическое устройство Англии и Соединенных Штатов, можно было не находить парадокс: «...хорошо что полезно, желательно чтобы все народы были осчастливлены подобными правами»[21]. В XVIII в. секретарь Екатерины, также состоявший в переписке с Вольтером, Ф.-П. Пикте заявлял, например, что хорошее «гражданское законодательство» (legislation civile), гораздо важнее для благосостояния общества, чем «политический закон» (loi politique), или конституция[22]. О том же говорил на следствии почти 30 лет спустя, в 1826 г., Г. С. Батенков, долгое время служивший при Сперанском.

Республика в этом понимании была несовместима только с тиранией и деспотизмом, самовластным, ничем не ограниченным правлением. Оно ассоциировалось у Батенкова с Аракчеевым[23]. Штейнгейль также писал, «гражданская часть — краеугольный камень в здании государственного благоденствия»[24]. И принятие либерального закона в самодержавном государстве не казалось современникам и многим потомкам Пикте невозможным[25]. «Всё Устройство Народа и *все* Степени Правительства исключая Верховной Власти могут в известном каком-нибудь Государстве быть учреждены одинаковым образом хоть Верховная Власть будет заключаться в Самодержавном Монархе, хоть в Конституционном Государе, хоть в Избирательном или республиканском Сословии... Добрые планы могут иметь хорошее действие и влияние даже без превращения (революции)», — писал Пестель[26].

Для политической философии XVIII в. был важен не механизм принятия правления в государстве, а сохранение добродетелей в процессе правления и опасность впасть в тиранию. Необходимо «отменное величие духа одного или многих людей»[27]. Г. С. Батенков писал: «...жизнь народов, по мнению моему, состоит не в единообразной покорности мертвым законам или переменчивому произволу, но в *непрерывной моральной борьбе* свободы с властолюбием»[28]. Важно сознание, что не Государство принадлежит Правителю, а Правитель — Государству, Республике. Взаимное уважение и уважение к закону связывает граждан, обеспечивает свободу как не-доминирование[29]. Правительство должно действовать в общих интересах, наравне со всеми участвовать в создании и поддержании общих вещей, соблюдать общими силами принятые правила их бытия, законы, ради общего дела и в общих интересах, интересах народа[30]. Эти отношения не могут быть основаны на принуждении, иначе они превращаются в тиранию. И. Кант в «Трактате о вечном мире» (1795) определил республиканизм как отделение исполнительной власти от законодательной, в противовес деспотизму. При этом он не противопоставлял монархию и республику[31]. Но важно не только простое разделение и наличие представительных учреждений. Лишь сердечное согласие производит благо, в то время как «разные мнения» способны произвести потрясения, нет ничего хуже, с точки зрения человека классической эпохи, чем борьба партий[32], народное единство придает республике «политическое бытие»[33]. Согласие достижимо только через не-доминирование, особую форму совместной работы, то, что современная политическая теория называет термином «делиберация», обсуждение, которое имеет целью не убеждение (доминирование), а совместное обдумывание, служит средством принятию осознанных и ответственных решений[34]. В конце XVIII в. многие политические теоретики исходили из того, что не так важно, каким путем правительство приходит к власти, важно, чтоб его правление не стало деспотичным, чтоб оно уважало свободу граждан участвовать в общем деле: «...найти между гражданами такого человека, которого имя и характер имел бы право на *всеобщее уважение*, необходимое для сего»[35]. Во главу угла ставилось

общее дело, а не форма правления. Важнее были возможность создавать общие вещи и участие в выработке правил пользования общими вещами, общее право, гражданские законы[36]. И. М. Муравьев-Апостол в переписке с Н. И. Паниным и Г. Р. Державиным рассуждал о «преданности делу», которая их связывает как равных, о том, что их единство основано на «взаимном уважении», которое выше «милостей вельмож», он выказывал брезгливость в отношении «интриг и скользкого паркета царских дворцов», он ценил римские добродетели и готовность пожертвовать жизнью за отечество и вырастить сыновей, «достойных умереть» ради «моральной цели»[37]. «*Нравственное превосходство* однаго или нескольких членов соглашает все сии различныя затруднения и *увлекает за собою прочих силою сего превосходства*, коему содействуют иногда и другия постороннія обстоятельства. Во втором случае возлагают члены общества на однаго или на нескольких из них *обязанность* избирать средства, предоставляя им право распоряжать общим Действием <...> Цель состоит в *Благоденствии всего общества вообще и каждаго из членов онаго в особенности*», — писал много лет спустя Пестель в своей «Русской правде». Он также ратовал против аристократии феодальной и нарождающейся «аристократии богатств», и в этом видел гарантию свободы как не-рабства, не-зависимости от чужого мнения, если оно не вызывает согласия в сердце[38]. Умение управлять людьми, вот что необходимо и что достаточно, чтобы войти в правительство, как в древних Афинах, где только те, кто возглавлял домохозяйства, наделялись гражданскими правами[39]. Принцип этот был положен Екатериной II в основание работы Уложенной комиссии: первенство отдавалось тем, кто имеет семью и опыт управления[40]. В доносе М. К. Грибовского, поданном Александру I в 1821 г., и о котором в декабре 1825 г. напомнил Николаю I А. Х. Бенкендорф, речь шла о том, что молодые люди, «часто *не смысля, как привести собственные дела в порядок*», мечтают о конституции; этот аргумент казался достаточным, чтобы показать несостоятельность их претензий «возыметь влияние на правительство». При этом сам Грибовский отмечает: эти аргументы могут быть восприняты «под названием "*бабушкина веку*", то есть <...> *как было при покойной государыне Екатерине II*»[41].

Французская революция повлияла на то, что республика начинает ассоциироваться с переворотом, свержением монарха, событиями 1793 г. и восприниматься как лозунг радикалов и «революционной партии». Сосуществование альтернативных политических теорий порождало полярные оценки одних и тех же политических событий. Одни воспринимали провозглашение Наполеона императором как волеизъявление народа: важно было, что оно провозглашено по закону Сенатом от имени республики. Старшее поколение в России застало времена, когда не видели противоречия в том, чтобы воздвигнуть памятник *монарху* как воплощению *республиканских* добродетелей: «...соорудить памятник Его Величеству, Наполеону Бонапартию, Императору Французов, Основателю Италианской Республики»[42]. Как и в старые времена, доказывали, что республики часто страдают от борьбы партий, — тот, кто вызывает

всеобщее *уважение* и может примирить стороны, рассматривался как идеальный правитель, воплощение республиканского идеала[43]; «если б Буонапарт возмог сделаться Вашингтоном; тогда революция приближилась бы к своему концу, и свободный народ ему был бы обязан своею свободою»[44]. Также рассматривалось действие в интересах народа, ради *общего блага*.

Другие воспринимали сенатское определение как странный оксюморон: «Наполеон, Божиею милостию и по конституциям Республики»[45]. Они отказывались верить, что в данном случае волеизъявление было свободным и служило общему благу, а не властолюбию одного человека, а значит, не было проявлением деспотизма. Следовательно, это изначально «мнимая республика» и ее суверенитет, а главное свобода — лишь видимые: «...кто не знает, что Речи сии, равно как и ответы на них, сочиняются в Кабинете Наполеоновом», между тем именно властолюбие превращает режим в тиранию[46]. Свобода подлинная и свобода мнимая, за которой скрывается самовластие, стремление извлечь выгоду, а не служить общему благу, были главным критерием, чтобы признать или нет правление республиканским по духу: «Прошедший год останется достопамятным <...> тихою кончиною Французской Республики... Фортуна воздвигала престол своему любимцу на развалинах храма *мнимой свободы* <...> необузданная вольность и строгой деспотизм, нечестие и набожность — вещи диаметрально противуположные, и по общему порядку обыкновенно разделяемые целыми столетиями <...> сблизились между собою»[47].

Третьи искали оправдания, апеллируя к старой теории Монтескье: «Внезапное *превращение* Французского правления из Республиканского Консульского в Монархическое подтвердило давно уже всеми признанную истину, что государство *обширное и великое* не может и не должно быть Республикою. Чем оно более, тем вреднее для него образ Республиканского правления»[48]. Они утверждали, что лишь в монархии защищены личность и собственность, уважались заслуги, а не амбиции. Однако пример Соединенных Штатов, казалось, показывал обратное — что не от пространства и не от климата зависит форма правления, республики могут обладать большими «владениями» и быть очень могущественными[49].

Находились и те, кто констатировал слабость политических теорий для объяснения происходивших событий: «Не знаю, к какому отдалению должно отвести образ Маратского правления. Собственно *Монархией* назвать его не можно; здесь нет Дворянства, пользующегося особенными преимуществами — следственно нельзя назвать его *Аристократиею*, а еще менее *Демократиею*, потому что народ здесь ничего не значит»[50].

Это характерный пример публичной полемики из детства того поколения, которое мы привыкли отождествлять с декабризмом. Полемика разворачивалась на страницах европейских газет, раздавалась в салонах, доносилась и до страниц нарождающейся российской печати[51]. В данном случае важна не выборка (можно процитировать десятки изданий), а логика, модели аргу-

ментации, которые будут одинаковы. Дискурсивное поле оставалось нестабильным и после наполеоновских войн, менялись оценки конкретных деятелей, но не аргументы.

Существовало множество точек сближения. В 1803 г. журналы иронизировали над склонностью людей к подобострастию перед величием героя, даже в республиках: «Французы, созданные для Монархии, несколько веков славились любовию к Королям <...> удивительно ли, что народ, всегда сродный к идолослужению (даже и в самых Республиках), с благоговением смотрит на Героя»[52]. Всё это перекликалось с письмом М. И. Муравьева-Апостола брату С. И. Муравьеву-Апостолу. Его изъяли как доказательство преступных планов. Во времена его детства российские газеты открыто публиковали подобные остроты, не страшась цензуры: «Мне пишут из Петербурга, что царь в восторге от приема, оказанного ему в тех губерниях, которые он недавно посетил. На большой дороге народ бросался под колеса его коляски, ему приходилось останавливаться, чтобы дать время помешать *таким проявлениям восторга*. Будущие *республиканцы* (в оригинале “les futurs républicains”. — *Н. П.*) всюду выражали свою любовь, и не подумайте, что это было подстроено исправниками, которые не были об этом осведомлены и не знали, что предпринять. Я знаю это от лица вполне надежного, друг которого участвовал в этой поездке»[53]. Равенство, необходимое для республиканской делиберации, было не политически, а культурно недостижимым, несмотря на политические усилия[54]. Представлялись необходимым просвещение, изменение нравов, чтобы республика оказалась возможной.

Наполеоновские войны, показавшие, как легко свергаются одни правительства и утверждаются новые, распадаются и объединяются государства, а на республиканские престолы «волей народа» возводятся новые монархи, смешали понятия[55]. Набирает силу дискуссия вокруг вопроса, что отличает подлинный республиканизм от ложного. Всё чаще слова «монархия» и «республика» используются не как термины, связанные с политической теорией, а как обычные политонимы, названия конкретных государств. Республика как политоним теперь ассоциировалась с Французской революцией и демократией. Газеты публиковали регулярные новости о новых республиках Латинской Америки, позволяя по-новому увидеть античные понятия[56]. Однако сами эти режимы могли быть поняты через призму классической политической теории, противопоставлявшей республику как хорошее правление деспотизму и тирании как правлению дурному, и тогда провозглашенное в 1792 г. государство République française оказывалось лже-республикой, не соответствующей подлинному республиканскому идеалу: «...опыт показал <...> *каких трудов стоит удерживать махину государства в равновесии* среди опасной борьбы партий», где каждая партия заботится лишь о собственной выгоде[57], «чтобы действовать *тирански*... свобода была в то время не иным чем, как только поводом к угнетению»[58]. Причина превращения режима в деспотизм — власть толпы вместо республиканской делиберации.

Характерно, что в двух важнейших политических текстах, которые ассоциируются с декабризмом, «Русской правде» П. И. Пестеля и «Предположении для начертания устава положительного образования, когда ЕИВ благоугодно будет с помощью Всевышняго учредить Славяно-Русскую Империю» Н. М. Муравьева (обычно их называют конституциями или конституционными проектами, хотя жанр вызывал разногласия еще на следствии), слово «республика» не употребляется ни разу. Не было его ни в доносах, ни в отобранных при арестах бумагах, ни в протоколах и показаниях, собранных следствием в первые дни после 14 декабря.

Однако история понятий не сводится к истории слов и анализу простого словоупотребления. Следственные показания демонстрируют, как республиканские идеи работали на понимание событий на Сенатской площади. Стороны без труда опознавали риторику как республиканскую, однако по-разному интерпретировали само понятие, апеллировали к разным политическим моделям и давали разные оценки. В представлении подследственных эти показания должны были подорвать картину заговора и столкновения придворных партий, которая начала складываться при допросах первых арестованных офицеров[59]. Следователям же это позволило перекодировать «заговор» в «революцию». Доставленный во дворец в ночь с 14 на 15 декабря 1825 г. К. Ф. Рылеев (его представляли «главой заговора») интерпретировал происшедшие события как результат *свободного общего дела* ради *общего блага* и соблюдения *закона*: «Все *единогласно* говорили, что раз присягнув будет низко присягать другому Императору; на етой мысли, *каждый утвердясь, все совокупно решились* не присягать. Положено однако ж было никаких *насильственных* мер в отношении солдат не принимать, а если солдаты *увлекутся примером* офицеров <...> то положено было *выдти* на площадь и *требовать* Константина». Он писал, что объявить о возможном возмущении почитает он «*долгом совести и честнаго гражданина*»[60]. Он просил у императора «милости пощадить молодых людей», просил *за других*. Он писал, что целью была «*конституционная монархия*». И это соседствует в его показаниях с республиканской риторикой общего дела, без кажущегося современным исследователям естественным противоречия. Он спорил с допрашивавшим его К. Ф. Толем, представляя даже допрос как обмен мнениями: «...я для щастия России, полагаю Конституционное правление самое выгоднейшим и остаюсь при сем *мнении*»[61]. Открытое выражение мнений и участие в судьбе других — гражданское достоинство, а хитрость и честолюбие — пороки. Рылеев напишет о Пестеле: «Заметив в нем хитраго честолюбца я уже более не хотел с ним видеться»[62]. Расстрел на площади и свой идеальный порядок он не соотносил, расстрел для него — убийство, «несчастье». Но для Толя это естественное следствие республиканского выбора, пример кровавой революции и доказательство, что революции приводят к «совершенной анархии»[63]. Г. С. Батенков отказывался признать справедливым отождествление республиканизма с революцией: «...мог ли я в несколько дней переменить

сей образ мыслей — плод десятилетних трудов и размышлений — и принять *анархические* начала по одному внушению людей, не имеющих решительного надо мною превосходства в основательных познаниях»[64]. В ту же ночь на допросе А. О. Корнилович очень похоже передавал слова Рылеева: «Теперь наступает время решительное, *каждый должен действовать*»[65]. Оболенский также протестует против теории заговора и рисует модель гражданской солидарности: «Я принял намерение <...> *решительно объявить лично*, что я *сам собою* присягнув раз присягать более ни кому не хотел без личнаго повеления моего Императора. Услышив о том же многих моих знакомых... решились мы, буде нижние чины на присягу не согласятся, *подкрепить их мнение собственным своим*. Личных сношений с нижними чинами я не имел»[66].

Рылеев представлял идеальный порядок как свободный без давления обмен мнениями и собрание, напоминающее Екатерининскую Уложенную комиссию и Земский собор: «посредством Сената *предложить* Вашему Величеству или Государю Цесаревичу о собрании Великаго Собора, на который должны были съехаться выборные из каждой Губернии, с каждаго сословия по два. Они должны были *решить,* кому царствовать и на каких условиях. Приговору Великаго собора положено было безпрекословно повиноваться»[67].

Трубецкой также говорил про общее дело и добродетели, о свободе как недоминировании, законности: «*...содействие каждаго частно малозначуще, полезнее действовать общими силами.* <...> для *успешнейшаго действия нужен порядок и формы*... отвращать от дурных дел советами своими... достоинствами и доброй нравственности... не можем заставить ...вероятно есть много людей желающих Конституционной Монархии, но которые не являют своего мнения не видя возможности до оной достигнуть, но когда увидят возможность и при том что возставшие войска никакого буйства не делают то обратятся на их сторону»[68]. Ответственность за трагедию на Сенатской площади он возлагал на правительство: сомнения не было, что «Государь Император Николай Павлович не захочет делать *кровопролития и лучше уступя от Самодержавной своей власти согласится на сзов депутатов* из Губерний»[69].

Многие допрошенные 16 декабря представляли злоупотребления тех, кто окружает государя и занимает должности, главным пороком существующего порядка. Хорошее правление должно быть основано на *добродетелях* и *законах*, не ограничивая власти монарха. Подданные должны менять себя, а не правление. 16 декабря Николай Бестужев показывал: «Единственное спасение полагали мы в *законах*, коими, *не желая ограничить власти Монарха, хотели обуздать тех кои во зло употребляли его доверие*. Мы надеялись что вся Гвардия соберется близ сената, и тогда хотели *просить* наследника престола *даровать нам законы*, столь драгие и столь желаемые нашим отечеством... приготовление как самих себя так и юношество, в исполнении возложенных на них обязанностей, примеров нравственности, дабы тем обратить на себя внимание Государя и видеть *употребленными людей способных и на оное приготовленных*»[70].

Вот как это звучит у П. Г. Каховского: «...*даровать* каждому *гражданину право собственности и личной безопасности оградимой законами*... Одно спасение полагал я в составлении *законов* и принятии оных непоколебимым *вождем; ограждающих собственность и лицо каждаго*»[71]. 16 декабря К. П. Торсон показывал: «...желание видеть отечество мое, водимым *законами, ограждающими собственность и лицо каждого*»[72]. Каховский так представлял сущность протеста: солдаты говорили, что Константин «ежедневно *правил* не изменяет». Он рассуждал: «Я слышал что многие из помещиков, даже приближенных к Государю, согласны были отречись от прав своих, *освободить* крестьян; но с тем чтоб Монарх *ограничил власть* престола»[73].

Слово «республика» появляется в материалах следствия только через неделю после его начала, 21–23 декабря 1825 г., практически одновременно в Тульчине и в Петербурге, когда там будут почти в один момент получены письмо и донесение от И. И. Дибича, информировавшие о том, как подвигается провокация унтер-офицера И. В. Шервуда и полковника С. С. Николаева. (Есть данные, что они использовали слово «республика» при провокации[74]. Вот как писал об этих методах негласного наблюдения и тайного дознания писал А. И. Чернышев: «...что никогда не выразить на письме, очень легко можно на словах», речь, продолжал он, шла о «демагогах вроде Робеспьера и Марата со всем вытекающим», «нет ничего позитивного», но есть «червь сомнения»[75].) Трубецкой садится писать о Пестеле, *республике и планах убийства членов императорской семьи*[76], это значит быть «изчадием Ада, каким нибудь *Робеспьером или Маратом*. — Мысль ужасная! которая ежеминутно приводит меня в содрогание <...> ужасы Французской революции»[77]. Рылеев заговорит не о свободе, а о принуждении: «Сенат надеялись мы *принудить силою*»[78]. Его семье была оказана помощь.

В Тульчине письмо И. И. Дибича будет получено в одно время с письмом, которое 15 декабря Николай I направил к генералу П. Х. Витгенштейну с генерал-лейтенантом А. А. Корниловым: «...я вступил на престол с пролитием крови моих подданных... С нетерпением жду от вас известий на счет того, что г. Чернышев вам сообщил... всё подтвердилось по смыслу сведений, которые мы от г. Дибича получили»[79]. «Позитивные» сведения нужно было добыть. А. И. Майборода и М. П. Старосельский садятся писать о «*республике*», истреблении императорской семьи, революции, о том, как планировали принудить Сенат и Пестеля[80]. Чернышев рапортует о доказательствах существования «заговора к ниспровержению существующего порядка и против Августейшей императорской фамилии и ее уничижения и... ко введению республиканскаго посредством революции правления». 24 декабря французский посол в Петербурге граф Ф. де Ла Ферроне направил депешу к барону А. И. М. Дамасу: «...один из главных виновных был кн. Трубецкой... считал себя главой *революции*» [81]. Делу с самого начала Николаем I была придана публичность. О цареубийстве и «революционистах превосходнее Брута и Риего» будет давать пута-

ные показания Булатов, но вскоре, не выдержав напряжения, покончит с собой. А. А. Бестужев повторит требуемые показания: «*...принудить* Сенат узаконить сделанное нами и *устранить Царствующую фамилию от престола, а на Руси огласить Республику*»[82].

Когда в Петербург доставили Пестеля, главного «республиканца», согласно собранным на него доносам и показаниям, на первом допросе он, как большинство арестованных, будет говорить про необходимость «убеждать», про «общее согласие и одобрение», про свободный выбор преобразований (какой будет «предпочтен»), про общее благо[83]. Он и на следующих допросах будет упоминать необходимость делиберации, «изложить все выгоды и все невыгоды <...> с тем чтобы потом каждой <...> объявлял свои *суждение и свои мнение*»[84].

9 (21) января 1826 г. Ф. де Ла Ферроне направил депешу к А. И. М. Дамасу об аудиенции для глав дипломатических представительств у Николая I: «Заговорщики, — поведал он (Николай I. — *Н. П.*) своему собеседнику, — не были еще согласны между собою <...> одни хотели *республики безусловной* (*pure et simple*), с тремя консулами, с трибунами, и эти заговорщики распускали армию, образовывая национальную гвардию, исключительно предназначенную для защиты страны от иностранного вторжения, и немедленно объявляли свободу крестьян. Другие требовали президента и *образ правления, сходный с тем, что существует в Соединенных Штатах*. Наконец господин Пестель, один из самых предприимчивых людей партии <...> хотел *конституции вполне аристократической*, с сохранением крепостного права, с удержанием армии на нынешней ноге и с немедленным объявлением войны всем законным правительствам. В план заговорщиков входило цареубийство <...> с первого появления на революционном поприще русские превзошли бы ваших робеспьеров и маратов <...> они дерзко отвечали, что <...> свобода может быть основана только на трупах и что они гордились бы запечатлеть своей кровью то здание, которое хотели воздвигнуть»[85]. «До сего дня, — писал Г. С. Батенков, — никто еще не был суждден и наказан за домашние разговоры и образ мыслей», однако они «могли быть перетолкованы иначе, сообразно с особенными видами каждого»[86].

В первые дни следствия декабристы апеллировали к ценностям классического античного республиканизма, для большинства он значил необходимость активного политического действия по римской модели — требовать открыто на площади цезаря, соблюдения законов, требовать быть услышанными, выступить против тирании. В первые дни следствия тираноборчество ассоциировалось с гражданским действием, протестом, готовностью, жертвуя всем, выступить против попрания закона и «свобод народа». Однако следствию было важно представить восставших цареубийцами (в декабристоведении есть консенсус — это был сфабрикованный следствием сюжет). Среди арестованных находились те, кто пытался «истребление царской семьи» интерпретировать как подвиг Брута. А. М. Булатов сам явился в зимний дворец после событий 14 декабря. 25 декабря, когда следствие начинает добывать показания о намерениях

«истребить императорскую семью», Булатов писал, что поклялся «*отмстить* государю за изрубленных» на Сенатской[87], как Брут, а после, как Катон в момент гибели республики, совершил самоубийство. Образ Брута был общим местом, связывавшим республиканизм античный и республиканизм нового времени, он ассоциировался с Французской революцией, в годы террора апелляции к этому античному сюжету служили оправданием многих политических убийств. Следствие будет использовать этот арсенал риторических средств для перекодирования, изменения не просто акцентов, но смысла того, о чем шла речь на допросах.

Мы рассмотрели две модели республиканизма — классический, ведущий свою генеалогию от античности, и республиканизм нового времени, зародившийся в ходе Французской революции, когда основные античные модели республиканского действия были модифицированы. Почти все декабристы владеют обоими дискурсами. Но и Пестель, и Муравьевы-Апостолы, и Бестужев-Рюмин, и Рылеев, — те, в ком мы привыкли видеть «отъявленных» революционеров, и многие другие, даже Батенков и Штейнгейль, уверенно начинают с республиканизма классического, а после под давлением переходят на язык республиканизма нового времени. Следствие будет навязывать заданные в вопросных пунктах формулировки, требуя признать намерения «ввести в России республиканское правление посредством революции». Как справедливо отмечал В. Л. Каплун, «в период правления Николая I, после разгрома движения декабристов и введения жесткой цензуры и жесткого полицейского контроля над общественной жизнью, гражданский республиканизм как политическая и моральная культура образованной российской публики подавляется средствами государственного насилия и постепенно уходит в тень, а его отдельные теоретические и практические принципы заимствуются другими общественными движениями (либеральными, консервативными, социалистическими)»[88].

---

1 *Скиннер К.* Свобода до либерализма. СПб., 2006. С. ix–x; *Hankins J.* Exclusivist Republicanism and the Non-Monarchical Republic // Political Theory. 2010. N 38 (4). P. 453–476.

2 *Хархордин О.* Вместо предисловия. Res Publica: возрождение интереса // Что такое республиканская традиция. СПб., 2009. С. 7–13.

3 *Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М., 2016. С. 42–45, 91–106, 217–226.

4 *Grandhaye J.* Russie: la république interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (XVIII–XXI siècles). Paris, 2012.

5 *Каплун В. Л.* «Жить Горацием или умереть Катоном»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII — первая треть XIX века) // Неприкосновенный запас. 2007. № 5 (55). С. 197–219.

6 *Киянская О. И.* Пестель. М., 2002. С. 36, 54.

[7] *Эдельман О. В.* Следствие по делу декабристов. М., 2010. С. 159–160.

[8] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России первой трети XIX века. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2010. С. 210.

[9] *Парсамов В. С.* Декабристы и французский либерализм. М., 2001. С. 11–12.

[10] *Бокова В. М.* Декабристы и их время. М., 1995.

[11] *Парсамов В. С.* Никита Михайлович Муравьев: «масса людей может сделаться тираном, как и отдельный человек» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 79–82.

[12] *Ильин П. В.* Между заговором и престолом. Я. И. Ростовцев в событиях междуцарствия 1825 года. СПб., 2008. С. 12–17.

[13] Там же. С. 88–96.

[14] Там же. С. 102–104.

[15] *Rabow-Edling S.* 1) The Republican Idea of the Nation in Decembrists Poetry // Arbetsrapporter Working Papers. 2006. N 107; 2) Liberalism in Pre-revolutionary Russia: State, Nation, Empire. New York, 2019.

[16] *Пушкин А. С.* Вольность. Ода // Пушкин А. С. Сочинения. Т. 1. М., 1985. С. 184–185.

[17] *Hankins J.* Exclusivist Republicanism... P. 453. Руссо в «Общественном договоре» писал: «Я называю Республикою всякое Государство, управляемое *посредством законов*, каков бы ни был при этом образ управления им; ибо только тогда *интерес общий* правит Государством и *общее благо* означает нечто. Всякое Правление (Под этим словом я разумею не только Аристократию или Демократии, но вообще всякое Правление, руководимое общей волей, каковая есть Закон. Чтобы Правительство было законосообразным, надо, чтобы оно не смешивало себя с сувереном, но чтобы оно было его служителем: тогда даже Монархия есть Республика) посредством законов, есть республиканское» (*Руссо Ж. Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998).

[18] На следствии В. И. Штейнгейль писал о необходимости «найтить людей, вложить в них душу и соделать сопричастниками будущей славы» (Восстание декабристов (далее — ВД). Т. 14. С. 185–186).

[19] Строго говоря, немонархическое понимание республики появилось в эпоху Возрождения (см.: *Hankins J.* Exclusivist Republicanism...). Самый известный пример: Макиавелли в «Государе» противопоставил монархию и республику. Однако до рубежа XVIII–XIX вв. это противопоставление не было доминирующим. Теоретики-абсолютисты от Бодена до Гоббса настаивали на том, что «республика» может означать любое законное правительство с суверенной властью, это может быть абсолютная монархия, монархия конституционная, аристократия (олигархия) или демократия. Правительство необходимо, чтобы подавать пример, поддерживать свободное участие граждан в общем деле, координировать их усилия на общее благо. Правитель может жертвовать ради общего дела большим или же наравне со всеми, или и вовсе побуждаться к этому, заступая на должность по жребию — это формальный момент. В данном случае не так важно, по какому принципу оказываются во главе государства — наследуют эту должность, выбирают на нее, назначают за заслуги или по очереди, по жребию ли. Не в этом суть режима. Республика означала не форму, а принцип, предполагающий возможность *свободного участия граждан в жизни государства*. Однако в эпоху Возрождения и особенно после гражданских войн в Англии появляется всё больше политических текстов, в которых республика противопоставляется монархии, и самый известный пример — Мильтон (*Nelson E.* Jewish Sources and the Transformation of European Political Thought. Cambridge, 2010). На протяжении всей классической эпохи сосуществовали разные традиции переводов античных текстов, прежде всего Аристотеля и Тацита. В одной из них республика означала принцип правления, в другой, восходящей к эпохе Возрождения, рассматривалась как одна из форм правления, альтернатива монархии и аристократии. Но в XVIII в. защитники монархического республиканизма сохраняли позиции в борьбе за термин с антимонархистами. Республика означала не народовластие, а политическую модель, которая не позволяет правлению, будь то монархия, аристократия или демократия, превратиться в тиранию. Она должна оставаться республикой, позволяя гражданам *действовать ради общего*

дела. Это служение делу, а не личной выгоде. На таком понимании слова «республика» делали акцент в своих речах Робеспьер и аббат Сийес в 1791 г. Однако для понимания сути дискуссии важно помнить, что Монтескье в «Духе законов» различал монархию, республику (аристократическую или демократическую) и деспотизм.

[20] Республика семи островов // Вестник Европы (далее — ВЕ). 1802. № 14. Т. 4. С. 146.

[21] ВД. Т. 11. С. 252.

[22] *Le Roy Y., Pictet F.* Un projet de reforme de la poursuite pour dettes sous Catherine II // Commentationes Historiae Ivris Helveticae / Cur. F. Hafner, A. Kley, V. Monnier. Bern, 2012. P. 70; *Hans N.* François Pierre Pictet, Secretary to Catherine II // The Slavonic and East European Review. 1958. Vol. 36, N 87. P. 481–491.

[23] ВД. Т. 14. С. 37, 49.

[24] Там же. С. 185. Деспотом может быть и губернатор (Там же. С. 94), тираном — полковой командир (Там же. Т. 18. С. 292); многие декабристы заявляли это как причины своего недовольства режимом.

[25] Привычное сегодня противопоставление либерализма и республиканизма в эпоху, о которой идет речь, еще не сформировалось. В российском дискурсе «либералами» называли всех, кто ценит свободу. Свободу могли противопоставлять вольности как стихийному, ничем не ограниченному проявлению человеческого духа. Свобода предполагала уважение законов, уважение права другого на свободу. Либерализм не ассоциировался еще с политическим течением, так называли все идеи о соотношении законности и прав и необходимости «исправления» существующего законодательства и обновления порядков. В этом же смысле слова «либеральный» и «либерализм» употребляли и люди декабристского круга: «...истинный корень *республиканских* порывов сокрывается в самом воспитании и образовании, которые в течение 24 лет само правительство давало юношеству. Оно само питало их, как млеком, *либеральными идеями*» (ВД. Т. 14. С. 189). Ср. А. П. Беляев: «*Не республиканский образ мыслей, но просто так называемый либерализм* без всякого до сего случая стремления разделяли <...> Иные желали просто республики, иныи представительного, другие конституционной монархии» (Там же. С. 241).

[26] ВД. Т. 4. С. 86.

[27] Швейцария // Вестник Европы. 1802. № 20. Т. 5. С. 321.

[28] ВД. Т. 14. С. 136.

[29] Ср. М. М. Спиридов: «...такая Конституция, которая вводится ножом, есть Конституция Варварская, *Тираническая*» (ВД. Т. 5. С. 111).

[30] «...быть начальником, но не тираном в своем отечестве» (*Миддлтон Ч.* Характер Помпея // ВЕ. 1811. № 16. Т. 58. С. 248).

[31] Этот же принцип был положен в основу конституции Н. М. Муравьева — император воплощал «верховную исполнительную власть» (*Муравьев Н. М.* Конституция // Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 253, 279).

[32] Об этом говорили не только древние авторы. Макиавелли в «Государе» писал, что секты и партии причиняют республикам вред, ему вторил Руссо в «Общественном договоре»: «Важно, следовательно, дабы получить выражение именно общей воли, чтобы в Государстве не было ни одного частичного сообщества и чтобы каждый гражданин высказывал только свое собственное мнение». К этой традиции апеллировали многие публицисты XIX в., см.: Нечто о Венеции при ее падении (из Minerva, пер. Н. М. Карамзина) // ВЕ. 1802. № 10. Т. 3. С. 147–148.

[33] Италиянская Консульта в Лионе (из Décade, пер. Н. М. Карамзина) // ВЕ. 1802. № 5. Т. 2. С. 64.

[34] Подробнее о делиберации см.: *Sanders L. M.* Against Deliberation // Political Theory. 1997. Vol. 25. N 3. P. 347–376; *Parkinson J., Mansbridge J.* Deliberative Systems. Cambridge, 2012. В конце XVIII в. (в России — при подготовке созыва Уложенной комиссии) предметом политической мысли было, как технически устранить на время обсуждения а) неравенство, б) не-сдержанность и в) не-рациональность, дабы не допустить превращения собрания многих в единую массу, сдерживать и не допустить управления публикой,

дать возможность каждому быть выделенным и видным во время обсуждения. Обсуждение должно быть столкновением не людей, а мнений. Сверхзадача делиберативного со-трудничества — открытие нового общего взгляда, пересмотр и изменение ви́дения ситуации, новая «композитная» оптика ви́дения, а не подчинение чужому мнению и чужой точке зрения. По мнению теоретиков, этот идеал часто остается недостижимым на практике. В основе должен быть принцип взаимного уважения. «Общее мнение — лучший страж всякого порядка и законности», — писал Г. С. Батенков (ВД. Т. 14. С. 51). «Согласить для всех сословий», так это формулировал на следствии В. К. Тизенгаузен (Там же. Т. 11. С. 252). Ср., как о необходимости этой практики говорил на следствии В. И. Штейнгейль: «Правительство имело, кажется, правилом, что развратным и бедным народом легче и надежнее управлять, нежели имеющим гражданские добродетели и в довольстве живущим, а потому не *прислушивалось к народному мнению*, не *входило в его нужды*: повелевало и требовало безусловного повиновения, хотя бы оттого всё разорилось <...> До́лжно ли после сего удивляться, что правительство потеряло *народную доверенность* и *сердечное уважение* и возбудило *единодушное, общее желание* перемены в порядке вещей? <...> "Почему мы не можем *рассуждать о наших правах и собственности*?"— родится в голове каждого» (Там же. Т. 14. С. 186–187, 190).

35 ВЕ. 1802. № 5. Т. 2. С. 85.

36 Иными словами, недостаточно просто собрать деньги и поставить на площади памятник, нужно еще иметь возможность решать, что рядом с этим памятником стоит делать, недостаточно просто пожертвовать деньги на богадельню, нужно участвовать в обустройстве и организации жизни ее обитателей и иметь возможность менять правила, если что-то идет не так. Это политика, в которой гражданин республики сознаёт себя *участвующим*.

37 Материалы для жизнеописания графа Н. П. Панина. СПб., 1892. Т. VI. С. 616; *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1871. Т. VI. С. 298.

38 ВД. Т. 4. С. 113, 152.

39 О греческой республиканской модели и ее рецепции в европейской традиции Нового времени см.: *Pocock J. G. A.* Machiavelli, Harrington and English Political Ideologies in the Eighteenth Century // The William and Mary Quarterly. 1965. Vol. 22. N 4. P. 555–556, 575.

40 Обряд управления комиссией // РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 94. С. 17, 23, 32–33, 47, 40.

41 Записка о тайных обществах в России, 1821 год // Русский архив. 1875. Кн. 3. № 12. С. 423–425.

42 Перечень известий из Италии // ВЕ. 1804. № 12. Т. 15. С. 344.

43 ВЕ. 1804. № 10. Т. 15. С. 168–169.

44 Там же.

45 ВЕ. 1804. № 9. Т. 15. С. 81.

46 ВЕ. 1805. № 8. Т. 20. С. 336–337; Хищения Наполеоновы // ВЕ. 1805. № 23. Т. 24. С. 218–219.

47 Взгляд на происшествия 1804 года // ВЕ. 1805. № 1. Т. 19. С. 74–75.

48 Первые годы царствования Александра I // ВЕ. 1804. № 21. Т. 18. С. 64–65; Перечень известий из Германии // ВЕ. 1804. № 10. Т. 15. С. 168–169. К логике этой на следствии апеллировал М. П. Старосельский: «...посторонний разговор <...> склонился между прочим на роды правления, Монархический Аристократический и Республиканский, которые он мне объяснил каждый по порядку со стороны выгоды и невыгоды, Я же присовокупил к тому что в России всякой род правления исключая Монархический был бы для нее гибелен по причине ея обширности и разных народов оную населяющих, которые совершенно различны между собою и религиею и нравами» (ВД. Т. 4. С. 60). А также М. М. Спиридов, Д. А. Искрицкий, Г. С. Батенков и др.: «...республиканское правление несовместимо с обширностью России» (ВД. Т. 5. С. 126; Т. 18. С. 131; Т. 14. С. 98).

49 Историческое и статистическое обозрение Республики Соединенных Областей в Северной Америке // ВЕ. 1806. № 2. Т. 25. С. 132–133.

50 *Тоун У. Г.* Мараты (Из Минервы) // ВЕ. 1804. № 22. Т. 18. С. 144–145.

[51] «Рассуждения о политическом и гражданском строе государств, — писал Г. С. Батенков, — отнюдь не суть у нас ныне удел тайных обществ: они в частной жизни гласны и в больших городах почти ежедневны и всеобщи как между дворянством, так и между купечеством» (ВД. Т. 14. С. 50).

[52] ВЕ. 1803. № 15. Т. 10. С. 228; Известия. Париж // ВЕ. 1803. № 1. Т. 7. С. 82.

[53] ВД. Т. 9. С. 209, 211. На следствии А. М. Булатов перевернет интерпретацию, оставаясь в рамках того же дискурса: «Наружная любовь к государю не что иное, обман, сопряженный с искательствами начальства <...> Вместо же тех рукоплесканий, которые бывают при встречах, желают скорее избавиться присутствия государя; вместо бросаемых вверх шапок при выезде государь повезет тьму просьб на местное начальство, и вместо казавшегося народа довольным при виде государя остается надолго издержавшегося без всякой пользы народа ропот» (ВД. Т. 18. С. 310–311).

[54] «На республику <...> еще не дозрели люди», — писал А.А. Бестужев (ВД. Т. 14. С. 67).

[55] Газеты описывали необычные превращения республик в империи и обратно (О прежних переменах в Голландии и о нынешнем ее присоединении ко Франции (из Hamburg Politisches Journal) // ВЕ. 1810. № 17. Т. 53. С. 67). «Ежедневно творят новые власти, новые формы правления, и даже изобретают новые имена для областей! Сего дня республика, завтра монархия; то народное собрание царствует, то солдат, дружный с фортуною... Посол, которого отправите к Консулу, или к Децемвиру, может статься, принят будет каким-либо Императором; трактат, которой заключили вы с вольною областию, будет уничтожен каким-нибудь деспотом» (Суждение Парижской «Звезды» об Испанской Америке (из Gaz. Warszawskiej) // ВЕ. 1823. № 23–24. Т. 133. С. 268). Публицисты наперебой разоблачали «лже-империи» и «лже-республики», самозванцев (см., напр.: Нынешнее состояние дел в Американских государствах (из Hamburg Politisches Journal) // ВЕ. 1823. № 11. Т. 130).

[56] Известны примеры, как воспевались доблести и добродетели напоминающих «героев Плутарха» «великих граждан» республики Объединенных провинций (Взгляд на внутреннее состояние республик Южной Америки // ВЕ. 1818. № 21. Т. 102. С. 57).

[57] ВЕ. 1824. № 1. Т. 134.

[58] О нынешнем состоянии Франции // ВЕ. 1817. № 2. Т. 93. С. 47.

[59] Характерный пример теории заговора — протокол допроса Д. А. Щепина-Ростовского, записанный 14 декабря К.Ф. Толем: обсуждать обстоятельства переприсяги здесь значит передавать «слухи», и если что-то и затевается так, то это «заговор», солидарность с солдатами трактуется (иронически ли) как нарушение должного порядка: «В сию минуту люди многие сзади говорили, как мы присягнули К. Павл. На сие приказал я расходиться по капральствам», противостояние Николая и Константина трактуется как поединок, война, «которой стороны они держутся, Константина Павловича или Николая Павловича» (ВД. Т. 1. С. 396–397). Или вот протокол допроса Панова: «Я надеялся найтить сильную партию за Великаго Князя Константина Павловича, которую увеличить хотел нашим полком» (Там же. Т. 2. С. 104).

[60] Там же. Т. 1. С. 152.

[61] Там же. С. 153.

[62] Там же. С. 154.

[63] Там же. С. 152–153.

[64] Там же. Т. 14. С. 40.

[65] Там же. Т. 12. С. 322.

[66] Там же. С. 224.

[67] Там же. С. 154–155.

[68] Там же. С. 23–34, 37.

[69] Там же. С. 18.

[70] Там же. Т. 2. С. 60.

[71] Там же. Т. 1. С. 338–339.

[72] Там же. Т. 14. С. 198.

[73] Там же. Т. 1. С. 340.

[74] *Шильдер Н. К.* Император Николай I. СПб., 1903. Т. 1. С. 638–642. 30 ноября С. С. Николаев записал в дневнике: «Но я написал прокламацию на счет Дона в *республиканском духе* и отдал ее Шервуду. Он переписал и будет читать Вадковскому, как будто бы получил ее от меня, познакомившись со мной в Харькове. Какое-то она произведет действие?» (Воля России (Прага). 1925. № 12. С. 46–58).

[75] ОР РНБ. Ф. 836 (Чернышев). Оп. 1. Д. 18. Л. 60 — 60 об.

[76] ВД. Т. 1. С. 15. Эти показания Трубецкого и рапорт Витгенштейна о продвижении расследования на юге были заслушаны Следственным комитетом в один день — сначала рапорт, потом показания (Там же. Т. 16. С. 314–315). Позже Трубецкой вспоминал, как с ним работали следователи и оказывали на него давление, как угрожали его жене (*Трубецкой С. П.* Записки. СПб., 1908. С. 45–46, 48).

[77] ВД. Т. 1. С. 39, 34.

[78] Там же. С. 155.

[79] *Николай I.* Письмо к гр. Вигтенштейну, 15 декабря 1825 г. // Русская старина. 1870. Т. 2.

[80] ВД. Т. 4. С. 10–12, 60.

[81] *Татищев С. С.* Воцарение имп. Николая I. По неизданным источникам парижского архива МИД // Русский вестник. 1893. Т. 25, апрель. С. 21.

[82] ВД. Т. 1. С. 436. Характерно, что, скажем, В. А. Бечасный и П. И. Борисов в этом значении считают более подходящим понятие «*демократия*», а не республика (ВД. Т. 5. С. 280, 54).

[83] ВД. Т. 4. С. 80–82. «...ежели сие не будет твердым образом постановлено и соглашено, то легко родиться могут партии разные Козни <...> ввести образ мыслей в общее мнение» (Там же. С. 87).

[84] Там же. С. 101–102.

[85] *Татищев С. С.* Воцарение имп. Николая I. С. 25.

[86] ВД. Т. 14. С. 50.

[87] Там же. С. 301.

[88] *Каплун В. Л.* «Жить Горацием или умереть Катоном».

УДК 930(477):061.25«18»
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00037

Г. Д. Казьмирчук, М. Г. Казьмирчук

Первый период развития Украинской декабристоведческой школы (1825–1917 гг.)

Современный уровень развития исторической науки в изучении движения декабристов позволяет создать новую периодизацию и особенно выделить первый период становления и развития украинской декабристоведческой школы. Важны не только проблематика и методы ее